

Моск. новости. — с. 23.

ПРОЗА

Карусель, или За что я люблю Войновича

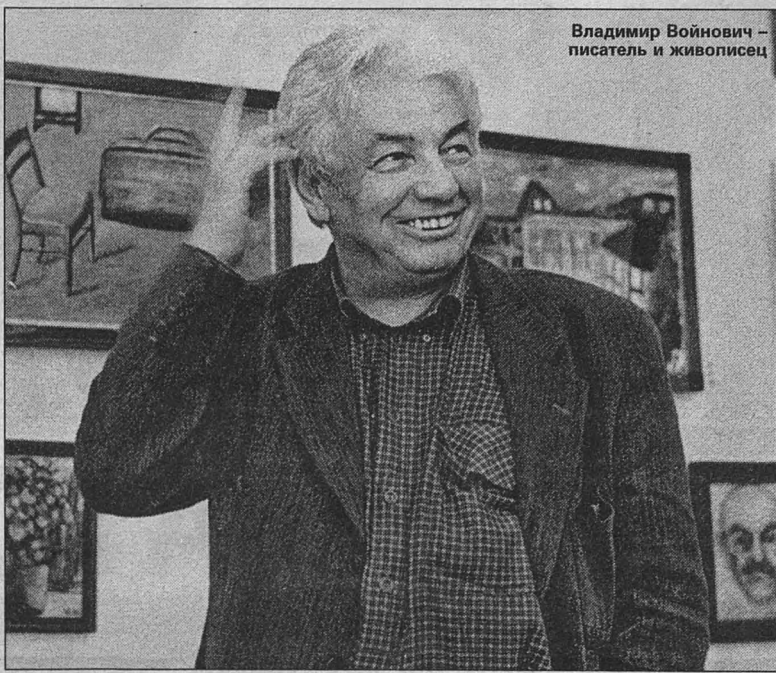
Роман «Монументальная пропаганда» В. Войновича скоропалительно назван «очередным пародийно-идеологическим»

В «Монументальной пропаганде» («Знамя», 2000, № 2-3), дескать, нет ничего нового и необычного для самого Войновича, по-прежнему питаемого «энергией смеха», а сам роман логично входит в «антикоммунистическую парадигму» вместе, например, с «Последним коммунистом» В. Золотухи. Временем издания романы совпали, но различие между ними сущностное. Ибо в случае с «Монументальной пропагандой» мы имеем *переходную форму*: перерастание пародийного романа в «серьезный» исторический.

Может быть, именно сейчас, когда «постмодернистская» инфантильная пародийность стала повальным упражнением бездарной эстетствующей молодежи, для которой любые содержания из «мира взрослых» — предметы, лишенные смысла и годные лишь для игры в пустоте, для жонглирования, Войновичу захотелось чего-то более серьезного. Рискну заявить, что Войнович первым попытался выполнить уже повисший в воздухе социальный заказ на **исторический роман**, в котором современность последнего десятилетия была бы описана генетически. Аналогичный опыт подобного исследования у Войновича уже был в «Москве 2042», но там мы имели дело с комическим прогнозом на 60 лет, и сам этот прогноз (победа коммунистов-«почвенников») был сделан на основе анализа идеологической ситуации в СССР в 1980-е годы. Теперь Войнович отправился назад, в 21 декабря 1949 года, когда в провинциальном городе Долгове к 70-летию кремлевского горца ему открыли чугунный памятник. Памятник создан по инициативе Аглая Степановны Ревкиной (р. 1915, член КПСС с 1933), которая была в то время первым секретарем райкома КПСС. И восторженной сталинисткой. Раньше такая героиня автоматически превратилась бы в Пропаганду Парамоновну; теперь это персонаж «с психологией».

Итак, Ревкина открыла памятник. Но Сталин умер (или его убили враги), подули другие ветры и сдули Аглаю с поста первого секретаря. Хрущевскую эпоху Аглая встретила уже директором детского дома, но слетела с этого места, в итоге вообще выпав из номенклатуры. А вскоре начались дальнейшие разоблачения и осуждения, ритуал которых подразумевал то же самое повальное единство, которое было и при Сталине. Аглая единственная оказалась **против**. Единственная осталась предана своему кумиру и его эпохе, и словоблудную диалектику о противостоянии Сталина и партии не поняла и не приняла. В результате сталинский истукан, который новые власти сносят с центральной площади, Аглая забирает к себе на квартиру: отныне этот памятник (без постамента) стоит у нее в доме. Перекрытия трещат, но Аглая взятками задирает коммунальные власти (на взятки идет лежащая у нее на сберкнижке вторая зарплата, которую в конверте, секретно, давали партработникам).

Параллельно в повествование вводится второй «сквозной» герой — Марк Семенович Шубкин, успехи и падения которого находятся в противофазе с падениями и успехами Аглаи. При Сталине верный ленинец и неисправимый марксист Шубкин, естественно, находится на лесоповале, в оттепель уже пересекается с Аглаей в руководимом ею детском доме (он тут преподаватель и активный общественник-антисталинец). При Брежневе как автор изданного на Западе романа «Лесоповал» Шубкин оказывается диссидентом, о нем трещат «радиоголоса», с ним начинают сладострастно работать «органы», его «профи-

Владимир Войнович — писатель и живописец

лактрируют», сажают, отпускают, потом Шубкин крестится, а еще позже эмигрирует в Израиль.

Небольшое отступление. Десять лет назад в «Известиях» был напечатан остроумный текст Юрия Макарова «Очень краткий курс». История с 1917 года была описана наборами ключевых слов, характеризовавших десятилетия: сначала «маевка, листовка, забастовка, мандат, террор»; потом «мавзолей, индустриализация, коллективизация, тройка, статья, ссылка, вертухай, лагерь...»; затем «оккупация, отступление, генералиссимус, разруха, зона, соцлагерь»; наконец, «съезд, культ, тиран, реабилитация... совнархоз, целина, кукуруза...». Аналогичным способом описывался «застой» («брови, поцелуй, дисидент, психушка»). Все завершалось «подвижкой», «консенсусом» и вновь «листовкой-забастовкой-голодовкой». В итоге к 1990 году мы пришли к тому же, с чего начали триумфальный исторический марш. Все естественным образом превратилось в пародию.

Войнович не мог (и, я полагаю, не хотел) преодолеть феномен пародийности по той простой причине, что жалкой и пародийной выглядит сама история тоталитарной страны, превратившаяся в историю постоянного обмана народа и неизменной борьбы с ним. Даже попытки борьбы с тоталитаризмом несут на себе отпечаток того, с чем ведется борьба. Чем точнее все изображается, тем смешнее и банальнее выглядит. Надо лишь точно выбрать героев и не убоиться той банальности, которая получится. Так Войнович и поступил.

И уже в 1990-е в Долгове на местных выборах побеждают коммунисты, мэром становится бывший кагэбэшник стукач, который посылает Аглаю на коммунистическую демонстрацию в Москву, где она встречается с коммунистическими лидерами (в главном коммунисте Альфреде Глухове с двумя до боли родными бородавками трудно узнать Зюганова, в экстремисте Сиропове — Э. Лимонова, очень похоже описан зануда Александр Зиновьев...). Шубкин же пытается вернуться из эмиграции в родной Долгов. Однако без скандала не обходится и тут: во время торжественной встречи на вокзале его бывший любимый ученик (в свое время по заданию гбэ смело разоблачавший Шубкина в местных газетах) произнес речь, в которой от радости неожиданно перешел к обвинениям. Дескать, Шубкин уехал, потому что ему это было выгодно; пока он там ел все кошерное, мы здесь ели чернобильскую картошку и помидоры с нитратами, а также хранили культуру, памятники и могилы. «И уже раски-

нувши руки для объятия, он взял и плюнул Шубкину в лицо».

Войнович тут, конечно, использовал служебное положение в личных целях: именно так у нас встречали в начале перестройки изгнанников, раскинув руки и одновременно оплевывая. И, не дай Бог, не извиняясь. На этих *непринятых извинениях* (Аглая тоже хотела, чтобы партия перед ней извинилась, когда отношение к Сталину поменялось на благосклонное) Войнович акцентирует внимание не случайно: дело не только в личной обиде, но и в национальной традиции: партия признает ошибки, но никогда не извиняется. И любые репрессии поводом для извинений быть не могут. Таков в России неизбывный закон: категория вины отсутствует как таковая (кстати, Ельцин при своем добровольном уходе с поста президента эту традицию нарушил, и это эпохальное в русской истории из-

“Рискну заявить, что Войнович первым попытался выполнить уже повисший в воздухе социальный заказ на исторический роман”

винение заслуживает того, чтобы попасть в какой-нибудь будущий исторический роман: только перестав быть президентом, сделавшись частным человеком, Ельцин мог позволить себе извиняться).

Однако основное внимание Войнович сконцентрировал на другой традиции — **традиции террора и беспощадности**. Именно в этом современная жизнь оказывается прямой наследницей ленинизма-сталинизма, и не случайно все мастерство сюжетосложения Войнович кинул на то, чтобы сплести памятник Сталину, хранящийся в комнате Аглаи, с «террором при капитализме». И показать, что наша история — это **крутящаяся карусель**, заляпанная кровью и грязью, что все повторяется, что ленинский террор, трансформировавшийся в Большой Террор (Сталин), затем в Террор в пределах ленинских норм (Хрущев), далее Террор выборочный (Брежнев) и промежуточный (Андропов, Черненко, Горбачев), эволюционировал в свою кульминацию — современный Террор без границ: «Кто попал под приговоривает к смертной казни кого попало и за что попало». Что и воспринимается как отсутствие порядка, ибо Порядок — это когда у убийств только один заказчик — глава партии и государства.

Под домом, в котором живет Аглая вместе со статуей вождя, обнаружива-

ются минеральные воды. Местный банда Валидол готовится Аглаю убить, поскольку она не хочет из дома съезжать, а дом надо снести, чтобы бурить скважины. Но Валидола заказал другой бандит, другого бандита — еще другой. Все убийства ритмично осуществляются... То, что в 1937 году имело один источник, теперь расплылось, преступность стала институтом услуг. В результате *один-на-всех-изготовитель* хитрых взрывных устройств, инвалид афганской войны без ног, руки и глаза Ванька Жуков (вместе со своим ТОО «Фейерверк» расположившийся в подвале дома, где жила Аглая), *отомстил за Афган* — взорвал вместе с собой одновременно явившихся к нему в подвал мэра-неокоммуниста, который *заказал* Ваньке главного долговского гбэшника, и этого гбэшника, который *заказал* Ваньке мэра. А заодно и весь дом. Погибла Аглая, в груды чугуна превратилась и статуя Сталина — как раз накануне торжественной установки памятника на прежнее место, что собирался сделать взорванный мэра.

Все хитро сплелось, а итог вышел простым и предсказуемым. Традиции террора, заложенные великим Лениным, живут и побеждают всех и каждого. Это и есть главный итог историко-генетического изучения Войновичем советско-русской истории. Сюжет можно упрекнуть в тривиальности, но упрек этот надо переадресовать самой нашей жизни. В терминах Шпенглера из второго тома «Заката Европы» речь идет о *псевдоморфозе*: это значит, что новая культура принудительно развивается внутри старых форм. Террор для нас и есть константная «форма существования». «Россия в обвале» — миф. Режим ни при Ельцине, ни после него коренным образом не изменился. И главную партию по-прежнему, как и при «заглотившем коммунизме», играет тайная полиция и ее выдвиненцы, а эволюция ситуации — не более чем результат эволюции цензуры.

Можно догадаться, что автор еще работал в своем родном Мюнхене над романом, когда Ельцин объявил о престолонаследнике. *Некому будущему правителю*, средоточию народных надежд, посвящена последняя страница «Монументальной пропаганды»: «Он скромно одет... В быту неприхотлив... Ростом невысок, но коренаст... Держится загадочно, говорит медленно, негромко, но всегда уверенно. Жесты у него скупые, но выразительные. Мужчин одним взглядом приводит в ужас, женщин в иное состояние (кстати, в теленовостях регулярно показывают женские припадки восторга при встрече с президентом. — М.З.), но импотент» (последнее, как объяснил Войнович, означает, что единственной страстью является власть над телами и душами). Историческая функция этой персоны — быть *директором зоопарка*, который после периода открытых клеток и всеобщей свободы (за которую легко заплатить жизнью, оказавшись кормом для хищников) всех в свои клетки вернет: «не лучше ль вернуться в клетку, но и хищников туда же вернуть?». Директор «наведет порядок и всех рассадит по своим клеткам, хищников подкармливать будет, но и нам выделит сена, капусту...». Террор же, «уничтожение врагов», наказание чиновников — его обычный рабочий инструмент.

Вот она, закваска диссидента: уметь поссориться с любой властью только за то, что это власть; не верить, не бояться и ничего не просить. За что я и люблю Войновича. Таких теперь мало осталось, еще в начале перестройки было больше, но за последнее десятилетие или вымерли, или сдались.

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ